

Аким Волынский

**Раскол в
радикальной журналистике
шестидесятых годов**

Аким Волынский

**Раскол в радикальной
журналистике шестидесятих годов**

«Public Domain»

1895

Волынский А. Л.

Раскол в радикальной журналистике шестидесятых годов /
А. Л. Волынский — «Public Domain», 1895

Либеральное уподобление Тургенева Аскоченскому. – Бурные события эпохи. – Направление «Отечественных Записок». – Громека и его заступничество за радикальные журналы. – Сатирические фельетоны Щедрина в «Современнике». – Колебания в политическом направлении «Современника». – Выходка против нигилистов. – Насмешка Щедрина над романом Чернышевского. – Первая схватка с «Русским Словом». – «Лукошко глубокомыслия» и «бутерброды глубокомыслия». – Отъезд Щедрина и решительная битва между обоими журналами. – Вмешательство Писарева. – Антонович и Писарев о Чернышевском. – Чернышевский о Чернышевском. – Победа «Русского Слова» и падение «Современника». – Прекращение обоих журналов и возникновение новых изданий.

Содержание

Статья IV	5
I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Аким Вольтинский

Раскол в радикальной журналистике шестидесятых годов¹

Статья IV

I

Медленно, но постоянно накапливались в «Современнике» материалы, послужившие причиной его полного разложения. Борьба с «Временем» и «Эпохой», разыгравшаяся в невероятно скандальное явление, изумила и смутила самых горячих его поклонников. Не подлежало сомнению, что «Современник» вступает в новый период деятельности, и что за грубыми приемами его полемики, за густыми облаками той едкой пыли, которую взбивали его расходившиеся сотрудники, уже не было ничего твердого, устойчивого, хорошо и глубоко прочувствованного. То, что было выражением свежего настроения и оригинальной мысли у Добролюбова, то, что составляло предмет пылкого и почти вдохновенного убеждения у Чернышевского, у Антоновича превратилось во что-то тяжеловесно бездушное, способное только раздражать, но не волновать умы. Мало-помалу журнал лишался своих настоящих руководителей. У «Современника» не было более ни философа, ни критика. Антонович расширял свою известность только благодаря своим скандальным промахам, благодаря своей бесцельной развязности в выборе тем, совершенно неподходящих для его литературных способностей, но вызывающих на ответ людей с настоящим талантом. С фатальным постоянством он делал себя жертвою чужого остроумия и меткости и, желая подставить ногу другим, сам летел к ним под ноги. Люди разнородных направлений уверенно переступали через него и шли своим путем, к своей определенной цели.

Одним из любопытнейших промахов Антоновича надо признать статью его об «Отцах и детях» Тургенева, относящуюся еще к 1862 году. Только-что неудачно сразившись с Юркевичем на философской почве, Антонович задумал дать реванш Тургеневу за его открытый разрыв с «Современником», разрыв, поощряемый Герценом, который, наблюдая издали за деятельностью Чернышевского и его ближайших сотрудников, никогда вполне им не сочувствовал, а некоторых из них не уважал, как людей². Антонович разделяется с романом Тургенева в статье, носящей название «Асмодей нашего времени». По мнению нового критика «Современника», весь роман Тургенева представляет собою плохой, поверхностный морально-философский трактат, который, не удовлетворяя ума, тем самым производит неприятное впечатление и на наше чувство. «Негде укрыться от удушливого зноя странных рассуждений и хоть на минуту освободиться от неприятного, раздражающего впечатления, производимого общим ходом изображаемых действий и сцен», восклицает Антонович. В новом романе Тургенева нет никакого психологического анализа, и за исключением одной старушки, нет ни одного живого лица, ни одной живой души. Все личности в нем – это идеи и взгляды, наряженные в конкретную форму. К главному герою романа Тургенев питает какую-то личную ненависть. Он мстит ему на каждом шагу и мстительность Тургенева доходит до смешного, «имеет вид школьных щипков, обнаруживаясь в мелочах и пустяках». Антоновичу кажется, что Тургенев хотел изобразить в Базарове «демоническую или байроническую натуру, что-то в роде Гамлета», но, не

² Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, изд. 1892 г. стр. 113.

справившись со своей задачей, романист придал своему герою черты, «по которым эта натура кажется самую дюжинною, по крайней мере весьма далекою от демонизма». Базаров в художественном изображении Тургенева не живая личность, а карикатура, «чудовище с крошечной головкой и гигантским ртом, с маленьким лицом и преобладающим носом, и притом карикатура самая злостная». Вообще, заключает Антонович, в художественном отношении «Отцы и дети» совершенно неудовлетворительное произведение. В нем нет общей нити, общего действия, в нем «все какие-то отдельные рапсодии». Дав эту блестящую оценку одному из самых замечательных произведений русского искусства, произведению, составившему, можно сказать, целую эпоху в истории умственной культуры России и написанному с поразительной энергией художественных красок, Антонович переходит к главной обвинительной части своей статьи, в которой доказывается, что Тургенев, своим романом, изменил делу русского прогресса. «Отцы и дети», говорит он, написаны с тенденциями, с резко очерченными теоретическими целями. В них слишком явно выступает сам автор, его симпатии, его «личная желчь» и раздражение. На всем протяжении романа вы нигде не встретите ни искры сочувствия к детям, к молодому поколению. Стараясь набросить невыгодную тень на Базарова, Тургенев слишком погорячился, «перепустил» и стал выдумывать разные небылицы. Для Антоновича ясно, что критика, видевшая в Тургеневе прогрессиста, просто ошибалась в объяснении его прежних произведений, внося в них свои собственные мысли и понятия, не свойственные их автору. Тургенев направил стрелы своего таланта, против того, чего он в сущности не понял. Он слышал разнообразные голоса, наблюдал оживленные споры, но в своем романе он умел коснуться только верхушек тех явлений, которые совершаются в современном русском обществе. Это произведение слабое во всех отношениях. Обозрев его с разных сторон, Антонович приходит к следующему решительному выводу: вот художество, которое действительно заслуживает, если не отрицания, то порицания, коль искусство, не стоящее никакого сочувствия. По силе таланта, по значительности содержания, «Отцы и дети» ничем не отличаются от романа Аскоченского *Асмодей нашего времени*. «Говорим совершенно искренно и серьезно и просим читателя не принимать наши слова в смысле того, часто употребляемого приема, расписывается Антонович, посредством которого многие, желая унизить какое-нибудь направление или мысль, уподобляют их направлению и мыслям Аскоченского»³. Антонович читал *Асмодея* в то время, когда Аскоченский еще ничем не заявил себя в литературе и когда «Домашней Беседы» еще не существовало, и читал его с полным беспристрастием, без всяких задних мыслей. И вот теперь впечатление, произведенное на него «Отцами и детьми», поразило его чем-то давно пережитым, сам Базаров представился ему знакомою фигурою. «Отцы и дети» – это, одним словом, новый «Асмодей» шестидесятых годов.

В течение 1862 г. в «Современнике» не появлялось ничего, более характерного и интересного в литературном отношении. Несколько небольших статей Чернышевского и полемическая распря Антоновича с Юркевичем, Тургеневым и Косицею – вот и все, чем ознаменовал свое существование «Современник» в этом году. Но слава журнала была тогда еще в своем зените, его враждебные стычки с многочисленными противниками приобретали характер все-русских событий. А время надвигалось мрачное, озаренное кровавым блеском пожаров, встревоженное суровыми угрозами молодой России. Эпоха, начавшаяся смелыми либеральными реформами, могла вдруг, не справившись с натиском новых, свежих брожений, выродиться в тяжелую, гнетущую реакцию. От печати требовался особый политический такт, чтобы дать бодрость настоящим работникам на поприще прогресса. Общество, дорожившее реформами и имевшее право надеяться на дальнейшее движение по пути либеральных усовершенствований, должно было суметь сохранить равновесие и, переработав все свои брожения, дать усиленный ход новым, точным программам. Это было время настоящего политического испы-

³ «Современник» 1862 г., Май, *Асмодей нашего времени*, стр. 110.

тания для культурных сил русского государства. Но, к великому несчастью, не все оказалось на высоте исторического момента. Журналы, не воспитанные ни в какой серьезной политической школе, не привыкшие принимать участие в гражданской жизни страны, влияя на ход вещей вескими, продуманными и последовательными аргументами, с одной стороны холопствовали перед всякими темными силами, предостерегали правительство против увлечений широким делом освобождения, с другой стороны – неистово метались друг на друга, затевали бессельные, безобразные полемические вакханалии и, в горячке минутных страстей, оставляли без разъяснения настоящие пункты политического разногласия. Среди дыма и огня молодого журнализма дело, темное дело, делали только те, которые разжигали заносчивыми вызовами партийные споры и пользовались ими для своих скрытых целей, чтобы в решительную минуту, круто натянув вожжи, повернуть разбежавшихся коней в глухую сторону реакции. Влияние Каткова входило в курс жизни...

Майская книга «Современника» была последней книгой журнала в 1862 г. В заключение своей ежемесячной летописи «Современная хроника России», в июньской книге «Отечественных Записок», известный в то время пылкий публицист С. Громека писал: «Окончив эту летопись, мы прочитали объявление о прекращении на восемь месяцев журналов Современник и Русское Слово. Официальное известие не объясняет, за что именно обрушилась кара на эти два журнала, оно сообщает кратко, что, на основании вновь вышедших временных цензурных правил, министр внутренних дел и управляющий министерством народного просвещения, по „взаимному соглашению, признали нужным сделать такое распоряжение“. Далее, говорит Громека, Аксаков лишен права на издание газеты „День“, и это последнее распоряжение вызвано неисполнением со стороны Аксакова цензурных правил. „Аксаков сам добровольно лишил страну своего полезного и честного голоса“. Итак, не стало трех изданий, из которых два – „Современник“ и „День“, совершенно противоположны друг другу по духу и направлению. Славянофилы, пишет Громека, могут лишиться последнего средства „открыто защищать свою теорию о любовном соглашении общества с государством и бесполезности каких-бы то ни было гарантий“, умеренные либералы и консерваторы „лишаются в течение восьми месяцев права бороться с мнениями крайних прогрессистов...“⁴. «Отечественные Записки» выразили сожаление, что два видных журнала исчезли именно в то время, когда в литературе завязалась с ними серьезная полемика, а Косица, верный своей насмешливой манере, трактует это событие в более или менее игривом тоне. Его счастливому настроению нанесен удар. При его, всем известной, любви к чтению, при его страсти к литературным наблюдениям, отсутствие двух названных журналов не могло не показаться лишением. Из солнечной системы наших журналов, пишет Косица, исчезли две планеты...⁵.

«Отечественные Записки», начав смелую борьбу с деятелями «Современника» в первые месяцы 1862 года, несколько сокращают и суживают ее во вторую половину этого года. Журнал открыто порицал те орудия, которыми они пользовались в борьбе за свои убеждения и, постоянно усиливая обвинения, доказывал, что политическая тактика известных журналистов должна повести к реакции. В «Отечественных Записках» стали появляться статьи, написанные в стиле «Свистка», в которых добивались главари «Современника» их же собственными средствами. В «Письмах об изучении безобразия», в сатирических фельетонах под названием «Все и ничего», в веселых «Думах Синеуса», в некоторых критических статьях на литературные темы и, наконец, в наиболее ярком отделе журнала, который составлялся под редакцией С. Громеки, «Отечественные Записки» с большою резкостью, хотя и не всегда с достаточным талантом, выдвигали свою оппозицию бестактному поведению и развращающим приемам «Современника». Многие честные люди, пишут «Отечественные Записки», горячо

⁴ «Отечественные Записки», 1862 г., июнь, *Современная хроника России*, стр. 82-83.

⁵ Н. Страхов, *Из истории литературного нигилизма*, стр. 156-157.

сочувствуя стремлениям «Современника», сильно не одобряют его балаганного тона и кривлянья. Но большинству, публике, нравится в «Современнике» именно то, что противно интересам литературы. Балаган есть народное увеселение, и «Современник» пользуется народной почвою, на которую стал твердой ногой. Нет, господа, насмешливо восклицает сотрудник «Отечественных Записок», подписавшийся *Прогрессистов*, с одним направлением теперь далеко не уедете, «будете-ли вы расходиться с *Современником*, будете ли вы совпадать или даже превосходить его направление, подобно *Русскому Слову* – успеха все-таки не будете иметь, пока не обратитесь на путь безобразия. В настоящее время это единственный верный путь к литературной славе и журнальному благополучию. Истинно, истинно говорю вам: глупо делаете, что не спешите на этот открытый и свободный путь»⁶. Наглость и упрямство в большом почете у толпы, продолжает автор. Вот Громека хотел-бы вести полемику, с уважением к человеческой личности и свободе чужих мненин, и его забивают, непременно забьют. Альбертини вооружился против Чернышевского, но Чернышевский мигнул только бровью и кротко произнес: «милое дитя, избегайте полемических встреч с нами», и вся храбрость полемического обозревателя исчезла, как дым. Сотрудники «Отечественных Записок» не видят, что вне разудалой свистопляски нет спасения. Не слышат они ежеминутно возрастающей силы свистунов, не чувствуют они, что скоро, скоро вся литература превратится в неумолкаемый свист и гам.

Гордые вершины
Наших свистунов
Стали уж и ныне
Выше облаков...
Мощны силы века,
Сила ерунды.
Подожди. Громека,
Свиснешь, брат, и ты!..

Обозревая в насмешливых стишках состояние современной литературы, веселый Синеус видит закат славы Чернышевского и роскошную зарю литературной известности Писарева⁷... Вот, вот он воцарится на вакантном престоле русской критики.

Громека полемизирует с Чернышевским и его последователями в серьезном тоне, со свойственной ему горячностью. Его рассуждения носят вполне либеральный характер. Верный партизан всякого рода реформ в политической и социальной жизни страны, хотя и склонный к наивной доверчивости по отношению к бюрократической машине, человек без глубокого таланта и настоящей политической прозорливости, Громека храбро воюет с современным ему нигилизмом, постоянно выкидывая над собою, с пылкостью юноши, еще свежий флаг оптимистического либерализма. Его тирады блещут красноречием, но его доводы не задевают глубины предмета. Его воззвания к обществу и правительству не страдают деланностью или аффектацией и как-бы выливаются из горячего сердца, но в них ничто не завоевывает читателя. Указывая на постоянные преувеличения нигилизма, выступающего с отрицанием почти слепым, направленным без разбору во все стороны и при этом не дорожающего своею нравственною репутациею в выборе орудий борьбы и самозащиты, Громека требует полной свободы для печатного слова. Только свежий, здоровый воздух свободы, пишет он, только широкая гражданская жизнь и свободно развивающаяся мысль в состоянии вылечить русское общество от охватившей его философской и гражданской чахотки. Нужен воздух, свобода, жизнь. Вместо двусмысленных полунамеков и скорбных вздохов должны выступить на сцену твердые умы и серьезные зна-

⁶ «Отечественные Записки» 1862 г., Февраль. *Письма об изучении безобразия*, стр. 37.

⁷ Там же, *Думы Синеуса*, стр. 47-49.

ния, должна выступить вся наука, все теории, все умственные силы, при полном свете которых не будет места никакому шарлатанству и отвратительному маскараду убеждений. Нужны новые идеалы для новых построек. Нигилизм уместен только, как орудие критики, как скептическое настроение, ибо как только умами овладевает мысль о новом порядке вещей, «архитекторы новых идеалов получают предпочтение перед разрушителями старых – идеалисты сменяют нигилистов»⁸. Пусть скептицизм действует свободно, без цензуры. Сколько выиграло-бы общество, если-бы скептицизму никогда не ставили никаких преград. Вспомните, как давно раздавались на Руси сильные голоса против рабства, телесных наказаний, судебной неправды, взяточничества и чиновничьего грабежа. Вспомните все бесчисленные жертвы, принесенные русским народом крепостническому строю и полицейскому произволу. Подумайте, сколько новых сил приобрел-бы творческий дух, если-бы борьба с неправдою развивалась непрерывно, именем самого государства, при помощи всего народа, общественного мнения, всей науки. Предъявляя в такой категорической форме свои политические требования, Громека тут же, с простодушием человека, не знающего жизни и не умеющего измерить силу и глубину раздора враждующих сторон, детски-доверчиво треплет по шее притихшего зверя эгоизма и властолюбия. Ему представляется, что положительные силы общества естественным образом сложились в стройную, организованную систему, на которую можно твердо и спокойно опереться в борьбе за исторические судьбы народа. После пылких речей в приподнятом циническом тоне странно читать наивные рассуждения о непоколебимой вере и неудержимой преданности своим убеждениям людей, ведущих постоянную, оборонительно-наступательную кампанию против настоящих прогрессивных течений. Протестантский пафос перебивается у Громеки наивными, симпатическими излияниями по адресу тех, к кому, казалось-бы, должен был относиться самый его протест. В сущности, он разобрался только в одной стороне дела, и его филиппики против действующей радикальной партии гораздо более продуманы и осмыслены по содержанию, ярки и метки по форме, чем его слегка приторное заигрывание с силами и учреждениями, сообразующимися только со своими уставами и пренебрежительно равнодушными к его писательским указаниям и увещаниям. Полемизируя с «Современником», Громека не хотел-бы, однако, чтобы отпор сопровождался озлоблением против партии движения. Он негодует только на то, что эта партия двигалась до сих пор без всякого такта, повторяя вечно одни и те же фразы, одни и те же приемы. Одной и той же песней встречала она каждое событие. Одни и те же свистки посылала она, без разбору, и первому встречному будочнику, и таким людям, как Костомаров. «Так может действовать дикая орда, восклицает Громека, – но так не действуют партии, имеющие самостоятельных вождей, которые прежде, чем сделать шаг, обыкновенно взвешивают тяжесть нравственной ответственности за него перед обществом и историей»⁹

⁸ «Отечественные Записки», 1862 г., Апрель, *Современная хроника России*, стр. 50.

⁹ «Отечественные Записки» 1862 г. май. *Современная хроника России*, стр. 5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.